

ОБ АННЕ АХМАТОВОЙ

Ленинград, август 1958 года. Разве мог я себе представить, направляясь по улице Красной Конницы (ныне Кавалергардская) на свидание с Анной Андреевной Ахматовой, что этот визит будет иметь такое значение для всей моей дальнейшей жизни?

Дверь мне открыла седая женщина в шелковом китайском халате с изображением дракона. Позже я узнал, что это была Ханна Горенко – жена брата Ахматовой Андрея. Она попросила меня подождать несколько минут в коридоре, и потом проводила в комнату.

Анна Андреевна, ещё не располневшая, сидела на диване. Ноги её были укутаны клетчатым пледом.

Здесь необходимо объяснить, что я видел Ахматову уже не в первый раз.

В самом начале марта 1947 года, то есть спустя полгода после известного ждановского доклада, где он вдоволь поглумился над великой поэтессой, моя двоюродная тётка Валерия Яковлевна Познанская приехала в Ленинград из Москвы и поселилась в полулюксе гостиницы «Астория». Тётя моя была крупным учёным-химиком и даже лауреатом Сталинской премии. С Ахматовой она познакомилась и подружилась в эвакуации в Ташкенте, помогала ей, чем могла, потому что поэтесса жила очень трудно. И вот теперь она специально приехала в Ленинград, чтобы встретиться с опальной Анной Андреевной.

Валерия Яковлевна была не из пугливых и решила устроить небольшой приём в честь Ахматовой. В своём гостиничном номере она устроила «five-o'clock» – чай с бутербродами и пирожными и пригласила Анну Андреевну, а вместе с ней и несколько их общих друзей, но, кроме того, она позвала на встречу и мою мать – Марию Александровну Рейн, а мама, в свою очередь, захватила с собой меня. Я и по сей день прекрасно помню это событие, ведь мне было тогда уже одиннадцать лет. Помню, что это был весенний день, помню, как я высматривал из окна гостиничного номера Исаакиевский собор и кладтовский памятник императору Николаю Первому.

Оказалось, что, спустя более десяти лет, Ахматова прекрасно помнит меня (впоследствии я убедился, что память у неё была исключительная). Она спросила меня: «Как здоровье вашей матушки?»

В тот день я находился у Анны Андреевны часа два, и когда собрался уходить, она попросила меня помочь ей перевезти книги на новую квартиру. Оказалось, что Союз писателей построил дом на Петроградской стороне, на улице Ленина (ныне Широкая), и в этом доме Ахматовой дали квартиру. Вот туда-то и надо было перевезти её небольшую библиотеку. Через три дня я вместе со своим приятелем Дмитрием Бобышевым (поэтом, ныне

проживающим в США) пришёл к Анне Андреевне. По дороге мы купили в хозяйственном магазине мешки из крафт-бумаги, в которую ленинградцы обыкновенно прятали на лето зимнюю одежду. В эти мешки мы и сложили книги Ахматовой. Это было несколько десятков поэтических сборников, почти все с автографами, и, кроме них, английские, французские и итальянские книги, в основном тоже поэтические сборники – изящные томики в коже и сафьяне с позолотой.

Пока мы укладывали эти книги, я рассматривал и читал автографы, так впервые в жизни я увидел почерк Александра Блока, Николая Гумилёва, Николая Клюева, Велимира Хлебникова, Владимира Маяковского, Осипа Мандельштама, Бориса Пастернака, Алексея Толстого и многих иных замечательных грандов русской литературы. Но и ведь сама Ахматова занимала высокое место в этом ряду. Она родилась в 1889 году на хуторе Нерубальском около Одессы, но уже в раннем детстве вместе родителями переехала в Царское Село. Там Ахматова закончила гимназию, там гимназисткой она познакомилась со своим будущим мужем Николаем Гумилёвым.

Стихи Анна начала писать ещё в гимназии и, конечно, интересовалась всем, что происходило в это время в русской поэзии. А это было время широкого признания символистов, когда мэтры символизма Валерий Брюсов, Андрей Белый, Вячеслав Иванов, Александр Блок занимали передовые позиции на страницах журналов и альманахов, в том числе и «Золотого руна». Однако десятые годы двадцатого века – это уже и время кризиса символизма, и появления новых поэтических направлений и имён: одни во главе с Гумилёвым уходили в «акмеизм», другие под руководством Давида Бурлюка, Велимира Хлебникова и Владимира Маяковского. (

Первоначально акмеистов было только шесть – Николай Гумилёв, Сергей Городецкий, Осип Мандельштам, Михаил Зенкевич, Владимир Нарбут и Анна Ахматова. Следует сказать, что своим истинным учителем Ахматова всегда считала Иннокентия Анненского – великого поэта и учёного-античника, который, кстати, был директором мужской гимназии в том же Царском Селе. Вскоре печатным органом акмеизма стал новый журнал «Аполлон» под редакцией Сергея Маковского. Отделом поэзии там ведал Гумилёв. В этом журнале и были впервые напечатаны стихи Ахматовой. А затем вышел из печати первый сборник её стихов «Вечер» с предисловием Михаила Кузмина.

Путь Ахматовой в поэзии продолжался более полувека, и за это время её имя стало одним из самых прославленных в русской поэзии. Конечно, Ахматова, как великий поэт, шла в ногу со своим временем. Русский поэтический модернизм был питательной почвой для её поэзии, но вместе с тем, она – законное звено в той русской литературной традиции, которая началась ещё с Пушкина. Многие десятилетия занималась Ахматова поэзией и биографией А.С.Пушкина, и самые крупные и авторитетные пушкиноведы безоговорочно признавали ценность её трудов в этой области.

За долгие годы поэтических трудов Ахматова выпустила совсем немало стихотворных сборников. В 1912 году вышла первая книга стихов Ахматовой «Вечер», за ней последовали сборники «Чётки» (1914), «Белая стая» (1917), «Подорожник» (1921), «Anno Domini» (1923). Затем последовал долгий перерыв. И только в 1940 году вышел сборник «Из шести книг», во время войны в 1943 году в Ташкенте вышла небольшая книжечка, а в послевоенное время – только два сборника стихов, сильно урезанные и искорёженные цензурой, в которых практически отсутствовали поздние – на мой взгляд – великие стихотворения. А ведь именно после войны творчество Ахматовой приобрело необычайную силу и глубину.

В чём же главное значение и величие ахматовского творчества? Ещё до революции Осип Мандельштам заметил, что генезис ахматовских стихов лежит в русской психологической прозе, в произведениях Толстого, Достоевского и Тургенева. И это было одно из главных открытий таланта молодой поэтессы. Лирик по преимуществу, она, как говорят теперь, озвучила голос женщины, ввела мотивы женской страсти, и шире – всей женской судьбы в русскую поэзию. Уже после второй книги Ахматовой «Чётки» её литературное имя стало широко известно читателям России, оно было прославлено во многих статьях и рецензиях, а вскоре появились и специальные труды Б. Эйхенбаума, В. Виноградова, посвящённые её творчеству.

Однако творчество Ахматовой отнюдь не ограничивалось женской темой. Жизнь России во всей её полноте, в её трагедийности (революция, первая и вторая мировые войны, сталинский террор) – всё это отражено Ахматовой в прекрасных драматических стихах. И сегодня абсолютно ясно, что Анна Ахматова – классик русской литературы, одно из звеньев цепи, тянущейся в Пушкину.

Объяснить, в чем прелесть, достоинство стихов Ахматовой не просто, как не просто объяснить вообще, что такое поэзия. В этих коротких заметках не могу много цитировать, но всё-таки приведу одно только стихотворение:

Чугунная ограда,
сосновая кровать,
как сладко, что не надо
мне больше ревновать...

Дождались мы покою
и непорочных дней,
ты плачешь – я не стою
одной слезы твоей...

Казалось бы, совсем простые человеческие слова, обиденная человеческая речь, но какая щемящая из глубины человеческого страдания нота извлечена в этом стихотворении.

Как уже сказано выше, не только лирическая миниатюра была уделом Ахматовой. Она является автором одной из самых замечательных поэм русской литературы. Речь идёт, конечно, о «Поэме без героя». Более двадцати лет работала Ахматова над этим произведением, начиная с 1940 года. Это – трагическая повесть о судьбе поколения, расчленённого революцией и войной, герои этой поэмы Блок, Кузмин, Маяковский, Князев и героиня, прототипом которой является близкая подруга Ахматовой, актриса Ольга Глебова-Судейкина («Коломбина десятых годов»). Все герои и прототипы были не понаслышке известны автору поэмы, однако это менее всего буквальная хроника. В фантастическом зеркале ахматовской поэзии они преобразились в героев многослойного эпического повествования. В этой поэме Ахматова употребила особую строфу, первоначально открытую Михаилом Кузминым в его книге «Форель разбивает лёд».

Были Святки кострами согреты,
и валились с мостов кареты...

Я был одним из первых слушателей «Царскосельской оды» – стихотворения, как мне кажется, замечательного. Что-то особое, трудно объяснимое, выделяет его из поздних ахматовских стихов, то ли пронзительный, как завывание вьюги, звук, то ли виртуозная историческая живопись, несколько абсолютно точных мазков, воссоздающих 90-е годы в придворном «игрушечном городке» – от полосатой будки до «великана-кирасира» на розвальнях, императора Александра III.

В 1950–1960-е годы в Ленинграде я и мои друзья И. Бродский, Д. Бобышев, А. Найман входили в круг общения Ахматовой. И на каждом из нас, на наших судьбах остался след этого общения. Ахматова не учила нас поэтике, не разбирала по косточкам наши стихи. Она учила нас достоинству, правильному взгляду на историю и современность. Это было огромной нашей удачей встретить такого человека, как Анна Ахматова, в начале жизненного пути.